

Светлана Янчек: Айвару Мяэ больше нравится работа, чем женщины

Очередной скандал вокруг предполагаемых сексуальных домогательств на рабочем месте заставляет деятелей культуры выбирать сторону. Преданное всеобщему вниманию необычное поведение руководителя национальной оперы «Эстония» Айвара Мяэ одних заставляет испытывать праведный гнев, другим дает прекрасный шанс для сведения личных счетов, третья же встали на его защиту. Среди этих последних многолетний руководитель фестиваля «Золотая маска» в Эстонии, театральный деятель Светлана Янчек.

- Что побуждает вас высказаться о скандале вокруг Айвара Мяэ?

- Мне понятны причины этого скандала – почему так могло случиться, но обвинения звучат совсем другого толка. И меры, которые уже сейчас приняты по отношению к Айвару Мяэ, на мой взгляд, неадекватны. Это величайшее заблуждение в духе веяний нового времени – отстранить его от работы. Сейчас эпидемия, в сфере культуры множество проблем, связанных с этим, а он реально хороший кризисный менеджер, который мог бы решить эти вопросы с минимальными потерями для дела.

- Означает ли это, что в каких-то случаях мы должны закрывать глаза на этическую сторону дела вообще, если человек – эффективный менеджер?

- Нет, не должны. Но мы сейчас говорим о том, что в реальности могло быть, и о том, что вменяется Айвару Мяэ. Мне кажется, что в том обращении, которое я прочитала в Eesti Ekspress, содержится полуправда. А полуправда всегда работает на неправду. То, о чем там пишут, имеет место быть. Мы сейчас говорим о тех шутках Айвара, которые он всегда отпускает – в адрес женщин особенно, но и в адрес мужчин тоже. Более того, Мяэ первый над ними смеется. Это такой знак, что я тебя не обзываю, это шутка, некий ключ к нашему общению, чтобы расслабить ситуацию. Да, у него эти шутки грубые. Он может поставить в тупик, озадачить и даже оскорбить, но они не сальные. Я представляю себе, как Айвар Мяэ, не удержавшись на ногах, разыгрывает эту ситуацию и падает на колени женщине. Но исключено, чтобы он специально, как бы невзначай касался груди и пятой точки, это уже не шутка.

rus.postimees.ee
03.07.2020 20:38
Олеся Лагашина
17000

Rahvusooper Estonia
Aivar Mäe

- В его адрес прозвучали обвинения – и даже неанонимные - в том, что пресловутое жизнелюбие руководителя сказывалось в итоге на трудовых отношениях.

- Вряд ли это так. Могу привести личный пример. Он всегда говорил, что меня любит, всегда обнимал до хруста в костях, но при этом, когда вопрос касался договора аренды, он все время мне говорил: «Света, посмотри, сколько у меня людей, мне надо всех их кормить. Я не могу скостить... Хотя вот тут могу: 10 евро». А уж сколько раз штрафовали «Золотую маску» - за курение на сцене, за что угодно! Причем штрафы были не ниже 500 евро! И даже если бы я пришла к нему в купальнике, я бы заплатила эти 500 евро. Потому что интересы театра для него превыше всего. Честно говоря, ему работа больше нравится, чем женщины. Мне кажется, для него вообще не было выбора, кого взять на работу – девушку в короткой юбке с длинными ногами или профессионала. Он однозначно возьмет профессионала.

- Т.е. сейчас против него выступили те, кто не был достаточно профессионален и из-за этого пострадал? Или же это конфликт культурных установок, потому что женщины такое фривольное обращение уже как-то иначе воспринимают?

- Я не так глубоко погружена в ситуацию, но мне кажется, что на него обижены не по факту его грубых шуток, а их заставили высказаться какие-то другие причины. Вдобавок времена действительно изменились – в отличие от Айвара Мяэ, который не изменился за последние пять лет. Он тридцать лет руководит разными большими учреждениями и все эти годы он был таким, как сейчас. Его поведение, манера общаться еще десять лет назад воспринималась как норма. Сегодня, возможно, я говорю о молодом поколении, это воспринимается несколько иначе.

Айвар Мяэ

Dmitri Kotjuh/ Järva Teataja/

Я видела одну ситуацию в Русском театре, когда он там работал. Он тоже отпустил какую-то шуточку в адрес актрисы, она как-то очень выразительно повела плечом, посмотрела на него недоуменно, и он тут же взял дистанцию и верный тон. И я видела женщин, которые это воспринимали с удовольствием. Есть разные женщины, но, мне кажется, в театре робких женщин очень мало. Маловероятно, что они не могли каким-то образом дать понять, чтобы он знал свое

место... И не думаю, что это каким-то образом сказалось бы потом на трудовых отношениях. Не уверена, что его шуточки стали единственной причиной обращения тех женщин, но это как раз то место, где его можно уколоть.

- Его адвокат утверждает, что против руководителя «Эстонии» идет спецоперация. В чем вам видится подоплека нынешнего скандала?

- В смысле планируется освободить место? Это я тоже слышала. Конечно, все бывает. Мы можем не знать каких-то скрытых обстоятельств. Но я не понимаю – для чего это. Потому что за последние годы, что он руководит театром, театр никогда так много не выезжал, никогда о нем так много не писали и не говорили, в том числе и за рубежом. Он очень талантливый и харизматичный лидер. Насколько я знаю, сейчас ему позвонили практически все театральные руководители и выразили ему свое сожаление в связи с этой историей.

- Список высказавшихся в его защиту бывших и нынешних коллег довольно велик – свыше 350 имен. О чем это говорит?

- Это говорит о том, что с ним интересно работать. И о том, что лучше какие-то вопросы решать внутри коллектива. В театре меньше, чем в обычной жизни, запретных тем для коллективного обсуждения. В силу производственного процесса обсуждается все – челюсть, критические дни, запах тела, особенности фигуры. Иногда, между собой, в не самых приятных выражениях, но это не значит, что человека не любят или что-то против него замышляют. Из-за того, что произошло сейчас, театр во многом потеряет.

- Когда в произошедшем усматривают заговор, кажется, гораздо проще предположить, что этот бунт был вызван общей культурной обстановкой. Громкие процессы, связанные с харассментом на Западе, наш собственный недавний случай с директором Библиотеки ТУ Мартином Халликом, который получил условный срок. Как вам кажется, все это скажется в дальнейшем на культурном менеджменте в нашей стране?

- Думаю, что, конечно, скажется. Никому не хочется стать жертвой воспоминаний семи- или двадцатилетней давности. Все будут вести себя осторожно. Но мы с водой выплескиваем и ребенка. Уходит непосредственность общения в театральных кругах. Слово «домогательство» по отношению к Мяэ вообще неприменимо. Оскорблений

шутками – да. Я понимаю, что так может быть сформулировано отношение к его юмору, но он не станет домогаться.

- Некоторые обвиняют и в том, что не стал домогаться... И мне лично кажется сомнительной публикация этих мемуаров многолетней давности, когда уже никак не доказать, что там было на самом деле, а репутация обвиняемого страдает в любом случае. С другой стороны, те, кто считают себя пострадавшими, тоже должны иметь право на защиту своего достоинства.

- Конечно. Но если ты семь лет назад промолчала, а сейчас воспользовалась ситуацией...

- А если не промолчала, но тогда этого никто не заметил, потому что контекст был другой, культура другая?

- Трудно сказать. Но я сейчас вспомнила эпизод семилетней давности, когда мне было очень тяжело из-за того, что пришлось сократить несколько человек в театре, и Айвар мне сказал: «Что ты переживаешь? Я уволил сегодня 25 человек – он сокращал не только оркестр, не то кордебалет, не то хор – я даже ахнула. А он сказал: «Поверь, у руководителя всегда есть непопулярные решения, но очень важно не оттолкнуть при этом чувства человека, которого ты выгоняешь. Из тех 25 человек, что я уволил, может быть, 7 ушли недовольные. А со всеми остальными я говорил столько, сколько было нужно, чтобы объяснить, насколько этот человек был значим для меня и что побудило меня от него отказаться». Это делает не каждый работодатель, некоторые сообщают по мейлу. Это тоже говорит о его человеческой составляющей.

Сегодня его пытаются представить абсолютным монстром, который никого не уважает... Но это не так, хотя его поведение не всегда вписывается в рамки общепринятого политеса.

- Должны ли мы предоставлять право анонимности тем, кто говорит о домогательствах в СМИ? С одной стороны, мы оберегаем потерпевших, с другой – ответчик в любом случае конкретен.

- Думаю, в прессе – да. Мы должны сохранить анонимность при условии, что этот человек пришел и сделал заявление в полицию. Пострадавшим предложили это сделать, но не все поторопились этому последовать, хотя свидетелей в театре обычно очень много: там просто тесно, особенно за кулисами.

- Сейчас трудовой договор с Мяэ приостановлен на два месяца. Возможно ли вообще вернуться после таких обвинений, даже если вина не будет доказана в суде?

- Думаю, почти невозможно. И даже если это произойдет, это будет другой Айвар Мяэ и другая атмосфера в театре. Однажды Эльмо Нюганен мне сказал, что в театре надо тратить очень много бесполезной энергии, которая не вырастет в спектакли, роли, декорации. В театр нужно вливать не только в творческий процесс – тогда возникает и он. Айвар Мяэ вливал в театр свою энергию, жизнерадостность, он очень деятельный и быстро откликается на новые идеи и предложения, заражается этим. Часто эти идеи не воплощаются в жизнь, но они бурлят и создают ту атмосферу, в которой вырастет совсем другая идея. И если эту энергию не вливать всем, творческий процесс будет иметь совершенно другие результаты.